

ИСТОРИЗМ

Л. Пикард

ВИКТОРИАНСКИЙ ЛОНДОН. РЕЛИГИЯ

Перевод Н.Г. Кротовской

Аннотация. *Религиозная жизнь Лондона в викторианскую эпоху. Религиозная терпимость. Отношения различных общественных кругов к явлениям религиозной жизни. Обзор религиозной теории и практики того времени.*
Ключевые слова: *филология, викторианская эпоха, англо-католики, римско-католическая церковь, квакеры, спиритуализм, иудаизм, широкая церковь, низкая церковь, Диккенс.*

Picard L. Victorian London. The Life of a City 1840-1870. London, Weidenfeld & Nicolson, 2005.

Религиозная перепись населения 1851 года — отсутствующие — рабочий класс — англиканство — широкая церковь — оксфордское движение Ньюмена — англо-католики — церковь Св. Олбана — дни поста и дни смирения и молитвы королевы Виктории — низкая церковь — строительство новых церквей — римско-католическая церковь — секты неконформистов — Сперджен — квакеры — спиритуализм — иудеи.

В 1851 г. представители среднего класса Англии пережили потрясение. В первый — и последний — раз была проведена «религиозная перепись населения»; она преследовала невыполнимую задачу: определить современное состояние религиозности, подсчитав число присутствующих на богослужении в одно конкретное воскресенье (30 марта), чтобы проверить, достаточно ли в храмах мест для прихожан. Результаты переписи произвели сенсацию и разошлись в количестве 21000 экземпляров. Выводы развеяли представление викторианцев о себе как о верных богобоязненных членах Церкви Англии. Менее половины англичан вообще посещали какую-либо церковь и менее половины из них — англиканскую. Составитель отчета Хорас Манн мрачно заметил, что «огромная часть англичан, к прискорбию, постоянно пренебрегает церковными обрядами»¹. В бедном округе Бетнал-Грин на востоке Лондона с населением более 90000 человек какую-либо церковь посещали только 6024. Где же были остальные?

Назначив перепись на воскресенье, власти проигнорировали 20000 лондонских евреев. Но самую многочисленную категорию отсутствовавших составили представители рабочего класса². В отличие от конторских служащих, принадлежавших к среднему классу, рабочий день городских низов начинался в шесть утра и продолжался двенадцать часов, не считая субботы, когда все больше работодателей гарантировало своим сотрудникам наполовину сокращенный рабочий день. По субботам рабочий ходил за покупками с женой, а остаток дня использовал для развлечений и отдыха. Всего раз в неделю он мог вернуться домой поздно вечером, так как на следующий день ему не надо было подниматься до рассвета.

По воскресеньям ему было трудно преодолеть искушение понежиться в постели. Воскресный обед был священной семейной традицией. Хозяйка дома все утро хлопотала на кухне, готовя свои коронные блюда. А для мужчины наступало время заглянуть в парикмахерскую, чтобы побриться и обсудить последние новости. Во время утренней церковной службы пабы были закрыты, но если кому-нибудь хотелось выпить или опохмелиться, то за три пенса можно было купить у парикмахера рюмку бренди или целебного рома со специями.

«Если рабочий, по одежде которого видно, что он рабочий, зайдет в церковь, ему предложат бесплатное место... тогда, как хорошо одетому человеку предложат сесть на скамью со спинкой». Впрочем, за удобное место «хорошо одетый человек» мог и платить. Плата за церковные места составляла значительную часть приходского дохода. В 1865 г. леди Фредерик Кавендиш

¹ Цитируется по: Hoppin Theodore. The Mid-Victorian Generation, Oxford, 1998.

² Этот факт красноречиво описан в книге: Wright Thomas. Some Habits and Customs of the Working Classes, London, 1867.

с мужем поселились недалеко от церкви Сент-Мартин-ин-де-Филдс. «Так как служба велась достойно и проповедь была хорошей, мы решили приобрести места в нашем будущем приходе для себя и наших слуг... и были неприятно поражены торгашеским поведением священника, со всей очевидностью обнажившим одиозность продажи церковных мест»³.

Некоторые священники упорно пытались убедить рабочих посещать церковь, даже в рабочей одежде, но чувство нежелательности своего присутствия было нелегко преодолеть. В 1849 г. конгрегационалистский священник дал уничижительное описание церковных нравов:

Здесь, в Великобритании мы приносим классовые различия в дом Господень... бедняку дают понять, что он беден, а богачу, что он богат... отгороженное место в церкви, возможно, с ковром и занавесками, и далее скамьи различного достоинства, бесплатные места, если они вообще существуют, сохраняют разделение между классами... мы выделяем особые места для бедных, так как патологически боимся нищеты...⁴

Хорас Манн, верный приверженец англиканской церкви, был вынужден с этим согласиться. Как у среднего, так и у высшего класса «регулярное посещение церкви считается одним из признаков благопристойности... легко заметить, что доля представителей низших классов в приходе ничтожно мала»⁵.

* * *

Прежняя приходская организация Лондона, когда люди в обязательном порядке посещали свой церковный приход, исчезла. Для тех, кто решил посетить англиканскую службу, Церковь Англии предлагала смущающее разнообразие богослужений, свободно группирующихся вокруг так называемых широкой, высокой и низкой церквей, к которым позже присоединились приверженцы обрядности⁶. Крайст-Черч на Лиссон-Гроув в

Марилебоне являла собой пример широкой церкви. Там и сейчас хорошо одетые прихожане из среднего класса удобно сидят на скамьях с высокими спинками и безмятежно предаются размышлениям или сну, вдали от посторонних глаз, не опасаясь вторжения чужаков или бедных — кто знает, что они замышляют? — под знакомые звуки англиканской службы, плывущие над их головами. У аристократов с Беркли-сквер тоже есть неподалеку своя церковь, также широкая по своему вероучению, но только для высшего класса. Часовня Сент-Джеймс в Марилебоне, тоже принадлежащая широкой церкви и вмещающая 1500 человек, по воскресеньям была заполнена до предела. (Слово «часовня», обычно обозначающее место неконформистских богослужений, здесь не имеет этого значения.) Любые религиозные сомнения можно было устранить, прочитав 39 статей в конце Книги общей молитвы, составленной во времена Тюдоров и подтвержденной Карлом II после возвращения на престол. Знакомый язык авторизованного перевода Библии и Книги общей молитвы местами был непонятен, но общий смысл всегда оставался ясным.

Между 1834 и 1842 гг. прочное основание широкой церкви слегка поколебалось, когда Джон Генри Ньюмен, викарий оксфордской университетской церкви Св. Девы Марии, начал произносить проповеди, призывая своих прихожан предпочесть «дела словам и пожеланиям» и активно бороться с летаргией церковной жизни, позволившей государству вторгнуться на территорию церкви. Он опубликовал свои мысли в серии «Трактатов для нашего времени». В 1841 г., когда вышел в свет его Трактат 90, Ньюмен внес сумятицу в умы своих читателей, предположив, что 39 статей англиканского вероисповедания, под которыми должен подписаться каждый англиканский священник, не противоречат традиционному католическому учению⁷. Для властей это было слишком, и Ньюмена остановили. Но «трактарианское», или оксфордское движение уже получило мощный толчок к развитию. Оно начало готовить собственных священников в теологическом колледже в Каддесдоне близ Оксфорда, где стажеры привлекали к себе внимание высокими жесткими воротничками (сейчас их называют «ошейниками»), черными, наглухо застегнутыми жилетами и длинными черными сюртуками, напоминавшими одежду католических священников. Говорят, они даже

³ Bailey John (ed.), *The Diary of Lady Frederick Cavendish*, London, 1927.

⁴ Miall Edward. *The British Churches in Relation to the British People*, London, 1849.

⁵ Из его «Отчета о религиозной переписи населения», London, 1851. Интересно, что он предположил, что излечить рабочий класс от неверия можно путем улучшения жилищных условий и что причиной исключительной религиозности среднего класса является «своеобразная изоляция в обособленных домах».

⁶ Преподобный Дейвис много писал о церковной жизни. Я многое почерпнула из его книги С.М. Davis, *Orthodox*

London, or Phases of Religious Life in the Church of England, London, 1873 and 1875, а также из главы «Благочестивые люди» в Hoppen, op. cit.

⁷ Turner Paul. *Victorian Poetry, Drama and Miscellaneous Prose*, Oxford, 1989, on Newman.

выработали особую скользящую походку и во время церковной службы произносили слова нараспев, высоким носовым голосом. Словом, были подарком для карикатуристов «Панча».

Ньюмен верил, что «материальные явления одновременно являются символами и инструментами невидимой реальности»⁸. Одежда священников, обряды и церемонии, которые они совершают в церкви — все это призвано напоминать прихожанам о великих «невидимых» вещах. В 1868 г. леди Кавендиш, верная сторонница англиканской церкви, присутствовала на богослужении, где «было интересно впервые видеть облачения трех отправлявших службу священников... мне постепенно стал все больше нравиться «прогрессивный» ритуал... Все зависит от того, насколько ты понимаешь, принимаешь и одобряешь символизм»⁹. В некоторых кругах Святое причастие стали называть мессой, возмущая старомодных причастников. Некоторые церкви стали украшать. Воспользовавшись этой возможностью, женщины на Рождество и Пасху принялись украшать свои церкви не только цветами, на которые особо ревностные прихожанки тратили значительно больше годового дохода бедняка, но также «сделанными из ваты буквами и листьями плюща, припудренными квасцами». Некоторые дамы рисковали жизнью, чтобы взобраться на лестницу и увить гирляндами газовые светильники — грозя устроить пожар и ставя под угрозу свою стыдливость¹⁰. (Разумеется, в подобный день лучше было вместо кринолина надеть нижнюю юбку; жаль, что практичный костюм миссис Блумер был отвергнут обществом).

Волна благоденствия, затопившая гостинные среднего класса дорогими безделушками, докатилась и до его церквей. На алтарях и возле них появились кресты. Священники облачились в роскошные одеяния. Магазин церковной утвари предлагал «ризы, далматики, мантии, альбы, саккосы, пояса... епитрахили... готическое кружево любой ширины»¹¹. Более серьезным нововве-

дением, встреченным с энтузиазмом англо-католиками¹², была «тайная исповедь» с наложением епитимьи и отпущением грехов, такая исповедь не запрещалась Книгой общей молитвы, но редко применялась в англиканской церкви. Отцы семейства приходили в ярость. Что могут рассказать на исповеди чужаку их жены или дочери об их супружеских привычках или отцовской власти? Во всяком случае, кто он такой, чтобы давать отпущение грехов?

Сложные для понимания доктрины, также одобряемые англо-католиками, например, духовное перерождение при крещении, апостольская преемственность и реальное присутствие Христа в Евхаристии (отождествление элементов Евхаристии, хлеба и вина, с Телом и Кровью Христовой) не вызывали особого противодействия, но многие находили трактарианскую практику церковной жизни затруднительной. В 1859 г. настоятель церкви Св. Георгия в Ист-энде попытался ввести богослужебные одеяния и службу нараспев, но прихожане яростно воспротивились его начинаниям и взбунтовались, и группе англо-католиков из другого прихода пришлось прийти ему на помощь. Однако умиротворить паству не удалось, и настоятель был вынужден уйти. В церкви Св. Иуды в Южном Кенсингтоне, «среди быстро исчезающих тропинок и огородов сельской местности»¹³, представители среднего класса приветствовали нововведения. Хор пел в обычной одежде, но некоторые прихожане, читая Символ Веры, поворачивались на восток и склоняли голову при упоминании имени Господа. Не столь яркие приверженцы высокой церкви возражали против лишнего «пения». Служба, и впрямь, была

украшено пелериной, закрывающей плечи; ее носят во время процессий и в других торжественных случаях, но не во время мессы. Альба — это евхаристическое одеяние до пола, из белого льна с длинными рукавами. Стола — это накинутая на плечи полоса ткани, висящая от плеча до пола, ее носят приходские священники поверх альбы во время мессы. Все эти определения взяты из Reed, op. cit. Начинаешь понимать, как увлекательно было одеться в соответствии с требованиями — если, конечно, у вас хватало на это средств.

⁸ Henry John. Newman, Apologia pro Vita Sua, Oxford, 1864.

⁹ Bailey, op. cit.

¹⁰ Davis, Orthodox London, op. cit.: один из немногих случаев, когда беспристрастность отказывает автору.

¹¹ Цитата из ведущего печатного органа англо-католиков «Church Times», приведенная в книге: Reed J.S. Glorious Battle; the Cultural Politics of Christian Anglo-Catholicism. London, 1996. Риза — верхнее богослужебное одеяние священника, свисающее с плеч спереди и сзади, как правило, богато украшенное. Далматика — ряса до колен с широкими короткими рукавами, которую носят дьяконы. Каппа — одеяние до пола, открытое спереди и застегнутое на груди, часто

¹² Надеюсь, я правильно употребила термины «англо-католики» — не путать с приверженцами римско-католической церкви, — «трактарианцы», «ритуалисты» и «Оксфордское движение» — не путать с более поздними Оксфордскими группами. Они кажутся мне равноценными, возможно, отличающимися друг от друга, по формальным признакам. «Трактарианцы» получили свое название от трактатов Ньюмена, а Оксфордское движение — по месту зарождения. Термин «англо-католики» появился позже, «ритуалисты» — общее название.

¹³ Davis, Orthodox London, op. cit.

«слишком высокой», но местный викарий, преподобный Форрест, твердо проводил свою линию. «По его мнению, псалмы следовало петь, и пока он остается викарием, так и будет».

Своей высшей формы англо-католический ритуал достиг в церкви Св. Олбана близ Холборна. В 1866 г. лорд Шафтсбури, принадлежавший к низкой, или евангелической церкви и слывший «совестью викторианской Англии» отправился посмотреть на службу. Он обнаружил:

Высокий алтарь, к которому вели ступени, крест над ним и бесконечное количество картин. Алтарь был весьма просторным и отделен от остального помещения железной оградой. Множество служителей и т.п., в римско-католическом стиле. Священники в белых саккосах с зелеными полосами читают нараспев и поют все, кроме проповеди... три священника в зеленых шелковых одеяниях и еще один с вышитым на спине большим крестом... Подобной сцены с театральными жестами, пением, выкриками, коленопреклонением и другими странными телодвижениями священников я прежде никогда не видел, даже в католическом храме. Густые облака ладана, главный священник то и дело машет кадилницей на серебряной цепи... причастники поднимаются [к алтарю] под звуки тихой музыки, словно это мелодрама; удивительно, что под конец не падает занавес¹⁴.

Все это напоминает «показное потребление». Однако здесь, как и во многих англо-католических церквях, «бедные [среди паствы] явно преобладают, и они совершенно на равной ноге с богачами». Отец Стантон устроил в церкви Св. Олбана клуб для рабочих, где продавали пиво и спиртные напитки, разрешалось играть в карты и были изгнаны религиозные газеты; на встречах матерей он читал последний роман Диккенса «Николас Никльби», не поучая и не принуждая молиться¹⁵. В 1867 г. его предшественник, отец Маконохи, подвергся судебному преследованию и был признан виновным в поднятии элементов Евхаристии над головами прихожан и в использовании ладана. Но, несмотря на решение суда, сторонники обрядности продолжали свое дело¹⁶. Еще один англо-католический священник, отец Лауден, неустанно трудился в бедном и запущенном районе доков. Он организовал ссудную кассу, ассоциацию помощи больным, бесплатную столовую и «угольный клуб», а в

январе 1868 г. сто его прихожан получили горячий ужин и по бокалу горячего пунша¹⁷.

Королева Виктория была «возмущена и опечалена», увидев, что «высшие классы и много молодых священников склоняются в сторону Рима»¹⁸. Возможно, она не замечала, что принц Альберт частенько ходит на вечерню в церковь Св. Маргариты на Маргарет-стрит, еще один оплот сторонников пышного ритуала, и даже берет с собой одну из дочерей¹⁹. Виктория решительно принадлежала к умеренной церкви. В 1847 г., когда в Ирландии погиб весь урожай картофеля и наступил голод, она не захотела объявлять день общего поста, а в 1849 г. — день благодарения за избавление от холеры, в 1854 г. — день смирения и поста, чтобы напомнить Богу о его долге перед Англией в Крымской войне, а также в 1857 г. — во время восстания сипаев в Индии.

Однако министры убедили ее, что со стороны короны это будет верным жестом. В конце концов вместо дня смирения был объявлен день поста. Виктории сама идея представлялась «абсурдной». Если это необходимо, предложила она, назначьте день поста на воскресенье, чтобы нанести наименьший урон общественной жизни. Но ее предложение было отвергнуто. Торговля и нормальная жизнь должны пострадать, день поста был назначен на будний день. Один из очевидцев вспоминает в дневнике: «все магазины были закрыты, и церкви были полны»²⁰. Между днем поста и днем смирения имелось тонкое различие: в день поста банки могли работать, а в день смирения нет. Отсюда возникали всевозможные осложнения со сроками оплаты переводных векселей. Назначив вместо дня смирения день поста, власти примирили интересы «религиозной части общества» с финансовыми интересами Сити²¹.

Низкая, или евангелическая церковь проводила службы скромно и верила в буквальную истину Библии. В то время как англо-католики тяготели к Риму, у евангелистов было много общего с неконформистами, однако в глазах молодежи первые были предпочтительнее, поскольку не навязывали прихожанам нетерпимости и узости взглядов некоторых неконформистов старшего поколения. Движение адвентистов седьмого дня, которым удалось добиться,

¹⁷ Reed, op. cit.

¹⁸ Письмо цитируется в Bentley, op. cit.

¹⁹ Reed, op. cit.

²⁰ Неопубликованный дневник. Rogers Thomas, Guidhall Library MS 19, 019, in Heather Creaton, Unpublished London Diaries, London, 2003.

²¹ Strachey Lytton and Fulford Roger (eds.), The Greville Memoirs, Vol. VII, London, 1938.

¹⁴ Запись в дневнике, цитируется по Reed, op. cit.

¹⁵ Davis, Orthodox London, op. cit.

¹⁶ Bentley James, Ritualism and Politics in Victorian Britain, Oxford, 1978.

чтобы Британский музей и Национальная галерея по воскресеньям были закрыты, а также движение трезвенников, боровшихся за ограничение часов продажи спиртного в общественных местах, черпали силу в евангелической церкви.

* * *

В 1836 г. епископ Лондона поставил задачу привлечь частные фонды для строительства пятидесяти новых церквей, и главным результатом этого начинания стало появление к 1859 г. десяти церквей в районе Бетнал-Грин, определенно нуждавшемся в особом внимании. Не везде дела шли успешно. Священник одной из церквей так описал своих коллег:

Нынешний священник ... говорит тем немногим прихожанам, которые посещают его службы, что им ничего не следует читать, кроме Библии и газет — постоянной темой его проповедей является судьба французской империи...

[Другой священник] изводит и обирает свой клир, проводя бракосочетания за 2 шиллинга 8 пенсов (включая все расходы), так он привлекает в свою церковь людей со всего Лондона и нередко сочетает браком до пятидесяти пар в день...

[Другой священник] наделал кучу долгов и уволился... вместо него пришел [другой], питающий отвращение к беднякам и не желающий общаться с ними ... Он — постоянная головная боль для бедного мистера Коттона [выделившего средства на строительство церкви].

[Другой священник] был настолько слаб здоровьем, что большую часть времени вынужден был проводить вне дома... его жена была наглой, назойливой и скандальной особой... нынешний священник... всего лишь слизник в Божьем винограднике²².

Перепись 1851 г., позволившая сопоставить приблизительное число прихожан с количеством имеющихся в их распоряжении мест, повлекла за собой взрыв церковного строительства. Почти все здания возводились в «готическом» стиле, считавшемся единственно пригодным для молитвы. Многие действующие церкви были «отреставрированы» — по мнению современных критиков, неудачно, так как вездесущий Гилберт Скотт обладал настоящим даром превращать средневековых святых в подобие принца Альберта. Полы покрыли керамической плиткой, алтарь приподняли, чтобы от-

делять прихожан от священников, а ступени, ведущие к престолу, отделяли священников от Бога. Были установлены органы, и, начиная с 1860 г., из них гремели «Псалмы, старые и новые». Между 1841 и 1871 годами число англиканских священников увеличилось с 14500 до 20500 человек²³. Стандарты религиозной жизни постепенно совершенствовались. Так, еще в 1849 году современник писал:

В государственной церкви Великобритании есть много священников, религиозные качества которых заслуженно считаются высокими. Но можно заметить, что три четверти из них... на деле игнорируют великие духовные принципы Евангелия... положение, которое они занимают, объединяет их с аристократией, их доход большей частью является твердым, а нередко и весьма значительным²⁴.

Это не совсем справедливо, потому что половина всех священников получала менее 200 фунтов в год, а тысячи викариев жили на половину этой суммы²⁵. С другой стороны, многие из англо-католических священников действительно имели аристократическое происхождение, и их частные доходы позволяли им служить, не получая платы.

* * *

С тех пор как при королеве Елизавете I были утверждены основы протестантского вероучения, истинные англикане ненавидели римско-католическую церковь. В 1847-1850 гг. в ряды «старых» католиков влились орды нищих эмигрантов, бежавших из родной Ирландии от голода и не внушавших любви добропорядочному среднему классу. У королевы Виктории были необычайно широкие для ее времени взгляды: «Хоть я всегда была настоящей протестанткой... я не выношу оскорблений в адрес католической церкви»²⁶, а оскорблений было предостаточно. Ньюмен и Генри Эдвард Маннинг, еще одна заметная фигура в англо-католицизме, в 1845 и 1851 гг. обратились в католическую веру. Из lamentаций и заламывания рук англикан из среднего класса, можно предположить, что новообращенные не просто поменяли свою личную лояльность епископу кентерберийскому на лояльность папе, а решили перенести папский престол в Англию.

²³ Bentley, op. cit.

²⁴ Miall, op. cit.

²⁵ Reed, op. cit.

²⁶ Raymond John (ed.), Queen Victoria's Early Letters, London, rev. edn. 1963.

²² Письмо преподобного Гибсона цитируется по Andrew Saint and Gillian Darley, The Chronicles of London, London, 1994.

В 1850 г. папа Пий IX нанес англиканам, как тогда казалось, очередное оскорбление: вместо главных викариев, представлявших его в Англии с XVI в., он назначил епископов, восстановив тем самым католическую иерархию. Как и следовало ожидать, вслед за этим прозвучали гневные протесты против «папской агрессии». «Таймс» негодуяще писала, что «итальянскому священнику» было позволено «восстановить иностранное влияние на умы [англичан]». Повсюду висели лозунги «Нет папству!», а 5 ноября были сожжены портреты папы и Гая Фокса²⁷. В 1851 г., чтобы воспрепятствовать католическим священникам принимать церковный сан, к своду законов был добавлен закон о церковном сане, но он не соблюдался и в 1871 г. вновь был введен Гладстоном. В 1851 г. Маннинг, пользовавшийся всеобщим уважением, был возведен в сан архиепископа католической вестминстерской епархии, и шум постепенно утих.

Римско-католическая церковь, как и англо-католики, радушно принимала бедных. Неутомимый священник Дейвис, оставивший нам описание «традиционных» и «нетрадиционных» церквей викторианского Лондона, посетил кафедральный собор в Кенсингтоне (Вестминстерский собор еще не был построен) в Вербное Воскресенье, церковный праздник в память входа Христа в Иерусалим, и был поражен отношением к беднякам во время службы. Священники, благословив «огромные связки» настоящих пальмовых ветвей, раздали их клирикам и каждому члену прихода. Должно быть, это было великолепное зрелище, напоминавшее движение леса к замку Дунсинан: епископ воздел к небу свою десятифутовую ветвь, а остальные священники — свои. «В кафедральном соборе, хотя он и расположен в центре богатейшего пригорода Лондона, среди постоянных посетителей было множество бедняков... и, как всегда бывает в католических церквях, всем им уделили такое же внимание, и они отправились домой счастливые, с большой пальмовой ветвью в руках, как и самые зажиточные прихожане»²⁸.

* * *

Всякий, кто по историческим или личным причинам не присоединился к одной из двух основных церквей, мог выбирать из множества неконформистских христианских течений²⁹. Самой харизматичной

личностью того времени был баптист Чарльз Хаддон Сперджен, имевший огромное число последователей. В 1856 г. он арендовал один из залов в Суррей-Гарденс на 10000 человек, однако туда набилось 12000 и еще 7000 осталось снаружи³⁰. Три года спустя он регулярно заполнял специально построенный молитвенный дом на 6000 человек расположенный близ паба «Слон и замок». Он был не только вдохновенным священником, но и блестящим организатором, на его попечении находились: сиротский дом, где в отдельных зданиях под присмотром женщин, работавших на уровне лучших образцов XXI в., жили мальчики, которых кормили, одевали и учили; несколько богаделен и пасторский колледж, где бесплатно готовили баптистских священников. В его церковных книгах числилось 4200 прихожан, и «каждому прихожанину выдавался набор из двенадцати билетов на причастие, с уже готовой перфорацией и проставленными датами, которые нужно было отрывать во время службы и ежемесячно класть на блюдо, чтобы подтвердить свое присутствие на «таинстве». Того, кто этого не делал, брали на заметку и даже могли отлучить от церкви.

В другой баптистской церкви в Блумсбери в семь утра в Иванов день читали «утреннюю проповедь» для «молодых людей и девушек» — очень мило с их стороны. Строгие баптисты принимали крещение с полным погружением в молитвенном доме недалеко от молитвенного дома Сперджена. Часовня партикулярных баптистов располагалась у Ноттинг-хилл-гейтс. Молитвенный дом Сперджена использовался также первометодистами, или «болтунами», в основном принадлежавшими к низшему классу, о чем свидетельствовали ждущие снаружи фургоны и повозки (сегодня мы могли бы сделать подобный вывод по потрепанным машинам). Во время службы они то и дело громко выкрикивали «Аллилуйя» и «Слава Господу». Божьи дети, или «Уолуртские прыгуны», собирались в Чатеме и у Дуврского вокзала. Их можно было отличить по «звонкому поцелую», которым они обменивались друг с другом. Они не столько прыгали, сколько иногда впадали в транс и танцевали.

У последователей католической, или апостолической церкви — не путать с любой другой католической церковью, англо- или римско-католической, — известных также как ирвингиты, по имени своего основателя, было в Лондоне семь храмов, и в каждом дважды в день проводилась торжественная служба, с

он оставался послушать. Он не входил в подробности их догматов — впрочем, как и я.

³⁰ Bennett A.R. London and Londoners in 1850s and 60s, London, 1924.

²⁷ Dr Elizabeth Blackwell, Pioneer Work in Opening the Medical Profession to Women (Autobiographical Sketches), London, 1895.

²⁸ Davis, Unorthodox London, op. cit.

²⁹ Davis, Unorthodox London, op. cit. Дейвис — это кладезь информации о неконформистской вере. Он неустанно посещал богослужения и записывал не только то, что видел, но также — нередко — краткое содержание проповеди, которую

ладаном и пышными облачениями священников, «более торжественная, чем в большинстве ритуалистских церквей». У последователей Сведенборга, или Новой церкви, было пять храмов, главный из которых находился на Аргайл-сквер близ вокзала Кингс-Кросс. Они верили, что умершие мгновенно воскресают и что реально существует лишь духовное тело, и в этом теле — за неимением лучшего — браки совершаются на небесах.

Плимутская братия собиралась в трех местах. Они причащались буханкой домашнего хлеба, разрезанной на четыре части; хлеб пускали по кругу, и каждый отламывал себе кусочек, а вино передавали в обычных больших стаканах. Кристадельфиане встречались в академии танца на Гауэр-стрит. Они тоже крестились с полным погружением. «Я был поражен тем, как рабочие читают и толкуют свою потрепанную Библию».

В Великобритании было 5532 моравских брата, но в Лондоне им принадлежала всего одна часовня на Феттер-лейн. Они вели начало от гуситов пятнадцатого века. Их миссионерская деятельность распространялась на такие отдаленные места земного шара, как Лабрадор и Гренландия, на аборигенов Австралии и индейцев Северной Америки. Сандемиане, или гласситы, достаточно известны, благодаря выдающемуся ученому, Майклу Фарадею, который входил в эту секту и верил в спасение по вере, а не по делам. На «праздниках любви» им полагалось целовать своих соседей в обе щеки — чтобы прихожане не пытались избежать поцелуев с дурно пахнущим стариком или прыщавым юнцом, места в церкви распределялись по жребью.

Методисты, в прошлом веке представлявшие главную религиозную секту, с 1845 г. переживали раскол, но все же остались самым могущественным неконформистским вероисповеданием³¹. К сожалению, неутомимый священник-исследователь, оставивший описания самых разных сект, которые и легли в основу этой главы, методистов не посетил. Зато посетил Общество друзей, или квакеров, в молитвенном доме на Сент-Мартинс-лейн, маленьком непритязательном здании, очень чистом». Придя туда спозаранок, он увидел сто пятьдесят прихожан, мужчин и женщин, сидевших порознь. Молодые дамы были не в сером, как можно было бы ожидать, а в шелках и умопомрачительных шляпках, мужчины же сидели в головных уборах. Ровно в одиннадцать начало «безмолвной службы» ознаменовалось тем, что мужчины сняли свои шляпы. Тишина ничем не нарушалась около часа, потом человек, «исполнявший обязанности священни-

ка, одетый в полный квакерский костюм, заговорил, вдохновленный Духом». Затем на двадцать минут вновь наступила тишина, затем «джентльмен, одетый как священник» двадцать минут молился. Вновь воцарилась тишина, «внезапно пробил час дня, шляпы были водружены на место», и все присутствующие вернулись к нормальной жизни любого прихода, выходящего с воскресной службы.

«Возможно, некоторым покажется странным, что к религиозным верованиям Лондона, какими бы нетрадиционными они ни были, следует причислить и спиритизм. Его привыкли ассоциировать со столовращением и движущейся мебелью... [однако] для многих людей спиритизм, несомненно, является религией в самом серьезном и глубоком смысле слова»³². Спиритизм был завезен из Америки в начале 1850-х годов. На первых порах его влияние ограничивалось имущими классами: «одна из причин того, что современный спиритизм распространился... только среди “высших десяти тысяч” — высокая цена, за которую духи соглашаются “явиться”... не у всякого найдется на это крона [5 шиллингов]»³³. Но со временем цена упала, и мода охватила широкие слои населения. Одним из первых медиумов была миссис Хайден, в 1852 г. прибывшая из Бостона и поселившаяся на Куин-Энн-стрит; там «ежедневно, с 12 до 15 и с 16 до 18 часов, проходили спиритические сеансы». Ее быстро разоблачили как мошенницу, и она вернулась в Штаты. В 1859 г. другой медиум, Дэниел Хоум, ухитрился убедить Элизабет Барретт Браунинг, присутствовавшую на сеансе вместе с мужем, в том, что он левитировал. В результате Роберт Браунинг опубликовал в 1864 г. поэму «Мистер Дрянь, медиум». Известный случай с участием Хоума закончился в суде, где пожилая женщина, миссис Лайонс потребовала вернуть ей деньги. Она выиграла дело, но суд обязал ее оплатить судебные издержки Хоума, основываясь на том, что ей не следовало верить мошенникам. Ужасающее число погибших во время эпидемий холеры и на Крымской войне заставляло многих верующих искать утешения в возможности общения с ушедшими близкими, но их плачевным положением бессовестно воспользовались мошенники.

* * *

Евреи, жившие на востоке викторианского Лондона, упрямо придерживались неанглийских обычаев и только этим вызывали недовольство. Например, евреи не разделяли склонности англичан к спиртному и избивению жен,

³² Davis, Unorthodox London, op. cit.

³³ Ibid.

³¹ Hoppen, op. cit.

не отправляли своих бедных и больных в богадельню; они мало пили и заботились о своих слабых сородичах всей общиной. Английские евреи делились на две группы: сефардов, ведущих свое происхождение от евреев Испании и Португалии, и ашкенази, выходцев из Восточной Европы, составлявших 90% лондонских евреев. До конца восемнадцатого века между этими группами существовали некоторые трения, исчезнувшие в викторианскую эпоху, хотя некоторые сефарды по-прежнему считали себя выше своих братьев-ашкенази. Дизраэли упорно утверждал, что он потомок сефардов³⁴. Его дед, итальянский купец, прибыв в Лондон, присоединился к общине сефардов. Но Ротшильды, наверняка, самая известная еврейская семья, были ашкенази из Франкфурта. До страшных погромов 1880-х годов в страну ежегодно прибывало около двухсот евреев. Большинство лондонских евреев родились в Англии. Ист-эндские торговцы одеждой были ашкенази. Они часто начинали свое дело с торговли вразнос и купли и продажи поношенной одежды. В то время шляпы были в цене, и старьевщик, купив подержанную шляпу и заботясь о ее сохранности, водружал ее себе на голову, а поверх нее все те, что приобретал позднее. Этим объясняется «тройная корона» лондонских евреев на карикатурах, в которых не было недостатка. Благодаря упорному труду, сообразительности и осторожности, еврейским уличным торговцам нередко удавалось скопить довольно денег, чтобы открыть ювелирную, часовую или мебельную мастерскую или свой магазин, где торговали одеждой, фруктами и кошерной пищей. Огромная империя «Мозез и сын» в Ист-энде продавала одежду как для аристократов, так и для рабочих. По существу евреи обладали монополией на рынках вокруг Петтикоут-лейн, где торговали поношенными вещами.

Разбогатевав, еврейские торговцы нередко переселялись в западные пригороды, где жил средний класс, и строили там синагоги, при этом сохраняя верность синагогам в Сити. Расположенная в Сити синагога на Бевис-Маркс близ Олдгейта, была построена сефардами в 1700 г. Расположенная рядом «Большая синагога» на Дьюкс-плейс, «просторное здание, освещенное только свечами», была построена ашкенази в 1722 г.³⁵ Там

³⁴ Отец Дизраэли, Исаак Д'Израэли – написание Дизраэли пришло позже – разошелся во взглядах с местной синагогой и покинул ее вместе со своей семьей. Он крестил всех своих детей в англиканской вере. Дизраэли играл на своем еврействе, когда это было ему выгодно, но в основном выдавал себя за безупречного английского джентльмена – это плохо вязалось с его манерой одеваться.

³⁵ Davis, *Unorthodox London*, op. cit.

звучала «необычайно красивая» музыка³⁶. В 1841 г. еврей-реформисты, разочаровавшись в ритуале [ортодоксальных евреев], «перегруженном сочинениями усердных раввинов и метафизическими дискуссиями, чуждыми духу молитвы»³⁷, отделились от ортодоксов и ввели более простую форму богослужения. Поначалу они пользовались синагогой на Бертон-стрит в Уэст-энде, поскольку большинство из них принадлежало к среднему классу. В 1871 г. они смогли открыть «поразительно красивую» синагогу на углу Аппер-Беркли-стрит и Портман-сквер, вмещающую тысячу мужчин в главном помещении и еще женщин на балконе.

Евреи долго были поражены в гражданских правах, но постепенно барьеры рушились. В 1835 г. сэр Дейвид Соломонс был избран шерифом лондонского Сити, но выборы были «аннулированы» судом старейшин. Та же история повторилась, когда его избрали от другого округа. Но в 1845 г. он был успешно избран олдерменом, а в 1855 достиг вершины своей карьеры, став лорд-мэром Сити. В 1847 г. барон Лайонел де Ротшильд был избран в парламент от Сити, но был изгнан оттуда Палатой лордов, так как отказался произнести присягу, в которой упоминалось имя Христа. Между Сити, оказавшим упорную поддержку своему кандидату, и палатами общин и лордов завязался ожесточенный спор. Наконец компромисс был найден: обе палаты согласились изменить текст присяги. Двадцать пять дней спустя Ротшильд занял свое место в палате общин. Это была убедительная победа еврейской партии.

Еврейский опекунский совет, куда входили как ортодоксальные, так и реформированные евреи, осуществлял широкую благотворительную деятельность. Семья Ротшильдов оказывала щедрую помощь бесплатной еврейской школе, еврейской больнице и множеству других школ, а также приютам для престарелых. Расходы на похороны, страшившие многие христианские семьи, не пугали еврейскую семью. «Еврейские похороны — одна из самых суровых церемоний. Богатые и бедные ложатся в простые сосновые гробы, катафалки ничем не украшают, а надгробные памятники ставят самые простые».

Ротшильды успешно преодолели социальные барьеры антисемитизма, занявшись охотой, участвуя в скачках и превратившись в английских джентльменов и спортсменов. Дизраэли это не удалось. Но, как никак, он стал премьер-министром.

³⁶ Цитаты из отчета Дейвиса об открытии синагоги на западе Лондона в 1871.

³⁷ Wolf Lucien. 'The Jewish Way of Life' in Cowan, op. cit.

Библиография:

1. Bennett A.R. London and Londoners in 1850s and 60s. London, 1924.
2. Bentley J. Ritualism and Politics in Victorian Britain. Oxford, 1978.
3. Cowan A. and R. Victorian Jews Trough British Eyes. London, 1986.
4. Miall E. The British Churches in Relation to the British People. London, 1849.
5. Turner P. Victorian Poetry, Drama and Miscellaneous Prose. Oxford, 1989.

Bibliography:

1. Bennett A.R. London and Londoners in 1850s and 60s. London, 1924.
2. Bentley J. Ritualism and Politics in Victorian Britain. Oxford, 1978.
3. Cowan A. and R. Victorian Jews Trough British Eyes. London, 1986.
4. Miall E. The British Churches in Relation to the British People. London, 1849.
5. Turner P. Victorian Poetry, Drama and Miscellaneous Prose. Oxford, 1989.